

УДК 008. 316.722. 572.026

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-64-75

ЛОГИКА СМЫСЛА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Бондарева Я. В.¹, Ильинская С. Г.²¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выделить сущность логики смысла российской цивилизационной традиции в сопоставлении с логикой смысла западной цивилизации.

Процедура и методы. Исследование выполнено в рамках локально-цивилизационного подхода с применением сравнительно-сопоставительного и герменевтического методов, а также образно-логического моделирования.

Результаты. Полученные результаты могут послужить основанием для понимания российской логики смысла, её склонности к холистическому типу мышления, имманентному включению аксиологической составляющей, возможности сосуществования одновременно нескольких «истин» и «картин мира» и другим особенностям. Различия в восприятии обусловлены целостностью (в противовес западной атомарности) восприятия и принципиально несхожими типами рациональности. Специфика типа мышления, сформировавшегося в рамках российской цивилизации, обусловлена тем, что присущие ему характеристики не ограничиваются чистой рассудочностью, сохраняя иррациональную компоненту.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выделенные особенности российской логики смысла (в сравнении с западной) объясняют, почему для Запада встреча с Иным воспринимается как встреча с «чужим», имплицитно несёт в себе конфликтность и соревновательность, а мир видится как арена борьбы, что рождает метафоры «конфликта цивилизаций», «войны миров» и т. п. В то время как для российской логики смысла Иной – это «другой» (или «ближний»), что непосредственно связано со спецификой православия и понятием соборности.

Ключевые слова: атомарность, Запад, онтологичность, Российская цивилизация, соборность, тип рациональности, целостность

THE LOGIC OF THE MEANING OF RUSSIAN CIVILIZATION THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Ya. Bondareva¹, S. Ilinskaya²

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

prosp. Vernadsky 82/1, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. To highlight the essence of the logic of the meaning of the Russian civilizational tradition in comparison with the logic of the meaning of Western civilization.

Methodology. The study was carried out within the framework of a local civilizational approach, using comparative and hermeneutic methods, as well as figurative and logical modeling.

© CC BY Бондарева Я. В., Ильинская С. Г., 2024.

Results. The results obtained can serve as a basis for understanding the Russian logic of meaning, its tendency to a holistic type of thinking, the immanent inclusion of an axiological component, the possibility of coexistence of several “truths” and “world views” at the same time, etc. features. Differences in perception are due to integrity versus atomicity of perception and fundamentally dissimilar types of rationality. The specificity of the type of thinking formed within the framework of Russian civilization is due to the fact that its inherent characteristics are not limited to pure rationality, while maintaining an irrational component.

Research implications. The highlighted specifics of Russian logic of meaning (in comparison to the Western one) explain that for the Western tradition, meeting with the Other implicitly carries conflict and competition, and the metaphors “conflict of civilizations”, “war of the worlds”, etc. In Russian logic of the meaning the Other is “neighbor” which is directly related to the specifics of Orthodoxy and the concept of conciliarity.

Keywords: atomicity, West, ontology, Russian civilization, conciliarity, type of rationality, integrity

Введение

В 2011–2012 гг. в официальных речах первого лица российского государства и Патриарха РПЦ появляется словосочетание «российская цивилизация», страна медленно начинает переориентироваться от парадигмы существования в рамках нации-государства к модели государства-цивилизации. Данный концепт появился ещё в 1990-е гг. в работах некоторых теоретиков (например, Л. Пая [19]) в связи с крахом биполярной системы, однако активно использоваться стал лишь на рубеже тысячелетий в основном китайскими (например, Ч. Вейвень [20]) и индийскими (например, Р. Кумар [18]) авторами. Через 150 лет после выхода работы родоначальника локально-цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» [4] была, наконец, осознана справедливость её основных положений. В 2022 г., с момента начала СВО как фазы открытого противостояния с Западом, этот вектор самоидентификации становится определяющим. Однако существование в логике самобытного государства-цивилизации предполагает аутентичное философствование и вообще аутентичный собственной логике культуры тип развития. Для того, чтобы точнее его определить, стартует проект «ДНК России», в котором ключевые положения «своего пути», вводимого курса «Основы российской государственности», точек актуализации программ всего социо-гуманитарного блока дисциплин

определяются в буквальном смысле «всем миром». Для участия в проекте привлекается огромное количество экспертов и преподавателей высшей школы. В напряжённом режиме (путём еженедельных заседаний) работает «Гуманитарный реактор» – дискуссионная площадка на базе РАНХиГС под руководством проректора А. В. Полосина. Функционирует около десятка учебно-методических центров, которые проводят рекордное количество мероприятий, где в полном смысле этого слова *соборно* определяется содержательное наполнение российской самобытности. После 30 лет очарования Западом, когда российские интеллектуалы, говоря словами В. В. Зеньковского, буквально находились «в плену» универалистских концепций, начинается работа по определению *своего пути*.

Россия как общественное и государственно-цивилизационное образование в ходе своей истории сформировала уникальный и самобытный синтез ценностей, имеющих существенные особенности по сравнению со странами Западной Европы и США, принадлежащими к западной цивилизации [13, с. 15]. В российских исследованиях и литературе мир не случайно мыслится как «мир цивилизаций» (Валерия Спиридонова [15] и др.), а в западной как «конфликт цивилизаций» (Сэмюэль Хантингтон) или «война миров» (Герберт Уэллс), поскольку в основу межкультурной коммуникации за-

кладываются принципиально различные типы рациональности.

Сравнительный анализ западного и арабо-мусульманского типов мышления как субстанционального и процессуального осуществил академик А. В. Смирнов в целом ряде работ (например, [14]). Эта градация хорошо работает именно при сравнении этих двух типов.

Западный и российский типы рациональности: ключевые отличия

При сравнении западного и российского типов мышления в самых общих чертах западный тип можно определить как гносеологический и номиналистический, а тот, что присущ российской логике смысла, как онтологический и холистический.

Запад, по свидетельству В. В. Зеньковского, «сознавал себя наследником античной философии» [6, с. 18], будучи связан с нею «языком церкви» и обладая готовой философской терминологией, впал в заблуждение, согласно которому «основной частью философии является учение о познании» [6, с. 19]. Тогда как «у философии не один, а несколько корней», поскольку она «есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях её рационализации» [6, с. 19]. Различные формы опыта, как чувственного, так и нечувственного (морального, эстетического, религиозного), ставят вопросы перед человеческой мыслью и требуют их философского разрешения.

Тип рациональности, характерный для цивилизации Запада, имеющий в своей основе западноевропейскую историю, ставший теперь атлантическим (или евро-американским), действительно «базируется на убеждённости в избранности человека благодаря его способности постигать общее в мире через слова, термины, понятия, с помощью которых идёт передача знаний об окружающем мире. Факт онтологической обусловленности рациональности в данном типе мышления “забывается”, а сам мир видится несовершенным по сравнению с теми концептуальными образами,

которые создаёт человек. Этот “несовершенный” мир воспринимается как объект для переустройства в лучшую сторону. Аксиологическая составляющая мышления, в связи с этим, приобретает специфическую направленность. Нравственные и эстетические добродетели непосредственно увязываются с практической полезностью и применимостью¹. Примерами могут служить моральная философия Д. Юма, утилитаризм И. Бентама, Дж. Ст. Милля и др.

В качестве ключевых особенностей русской философии как основы российской типа рациональности А. Ф. Лосев выделял онтологичность и соборность, имея ввиду «социальность как глубочайшее основание всей действительности», «общее животрепещущее социальное тело», требующее от отдельной личности «общественного подвижничества», с традиционной нелюбовью «ко всякому отвлечённому построению» [9, с. 510–511]. Первое качество в какой-то степени роднит российское мировосприятие с философскими системами Востока, которые чаще всего отвергают мысль о переустройстве мира, поскольку полагают, что космосу с момента возникновения изначально присуща гармония. Человек – лишь частица мироздания, поэтому его главная задача (с точки зрения большинства восточных философских систем) – не нарушать наличного совершенства. Способность к рациональному мышлению в таких системах не является доминирующей, поскольку в них присутствует понимание, что слово не может в полной мере выразить мысль. Одна из основных интенций, например, «практики Дао – это знание вещей напрямую, без рассуждений, “знание без слов”. Целостность мысли способствовала нерасчленённости на Востоке науки, религии, философии и литературы², в то время как особенности западноевропейского типа рациональности способствовали развитию интереса к

¹ Леонтьева Е. Ю. Рациональность и её типы: генезис и эволюция: учебное пособие. Воронеж: МОДЭК, 2006. С. 49.

² Там же. С. 51.

исследованиям логических и методологических законов мышления. В Древнем Китае не было слова «индивид» в западном понимании, был только «человек» как «не-что неделимое», являвшееся неотъемлемой частью «великой целостности» и исходной субстанцией для построения общества. И сегодня в Китае человек обязательно включён в целостную систему отношений и невозможен вне её, не являясь при этом индивидом в строгом смысле слова [16].

Самобытная русская культура, православная в своей основе, опиралась на единство откровения и умознания. Познание в данной традиции – это не логически непротиворечивое теоретизирование, а опытная деятельность, основанная на восприятии особого рода – «сердечных чувств». Оно исходит из цельности человеческой личности и в силу этого содержит в себе этическое отношение, оценку и практику [12]. Принцип единства веры и знания получил в русской религиозной философии обоснование ещё в Средневековье как «прозрение» с выделением руководящей и организующей роли веры в tandem с «разумом». Традиция опытно-мистического познания укрепилась на Руси со времени распространения идей исихазма и воплотилась в особой его форме – «философии сердца». Методами «сердечного» богословия служили: «видения» Сергия Радонежского, «умная» молитва Нила Сорского, теоретическое развитие исихазма в сочинениях Артемия Троицкого, Максима Грека, Паисия Величковского, священное безмолвие, аскетический подвиг [11].

Когда, согласно В. В. Зеньковскому, в России начала просыпаться философская мысль, она нашла рядом с собой – на Западе – активную философскую жизнь. Поэтому русская философия, сохраняя взаимосвязь с собственной религиозной стихией, была стеснена тем, что «находили русские люди на Западе», целыми поколениями попадая в его интеллектуальный «плен» [6, с. 18]. Тем не менее, Зеньковский выделяет такие характерные особенности русской философии, как её онтологизм и антропо-

центризм, историософичность и нацеленность на идеал «целостности» (или синтетического единства) [6, с. 21–23]. Теория познания в русской философии «отодвигается» на второстепенное место, тогда как доминирующими являются темы судьбы и путей человека, смысла и целей истории.

Алексей Лосев полагал, что расцвет номинализма и вера в механистическое мышление одновременно означают «падение философии» [9, с. 380] на Западе, особенно выделяя в этом отношении противопоставление веры и знания у У. Оккама. Данные тенденции неразрывно связаны с теориями Нового времени, в особенности родившимися на британской почве. Николай Данилевский также обращал внимание на то, что: политическая теория Томаса Гоббса, в основе которой лежит допущение о том, что люди в «естественном состоянии» находятся в положении «войны всех против всех»; экономическая теория Адама Смита, опирающаяся на постулат о конкурентной борьбе; естественно-научная теория Чарльза Дарвина о происхождении видов, базирующаяся на непрерывной борьбе за существование¹, – «односторонни и носят на себе тот же характер преувеличения, как преувеличена их основа в английском народном характере» [4, с. 149]. За сто лет до Томаса Куна Данилевским был подробно рассмотрен процесс накопления знаний в науке вплоть до критического состояния, когда происходит научная революция и одна парадигма вынужденно сменяется другой [4, с. 150–165]. Переходя от естественно-научного знания к наукам общественным, Николай Яковлевич категорически отрицал возможность теоретической «политики» или «экономии», поскольку теории, обогатившие данные науки, несут на себе слишком сильный отпечаток «морфологического начала» породившего их общества. В этом вопросе с Данилевским сложно спорить. Действительно, западные политические и экономические теории Нового времени в массе своей исходят из того, что

¹ В то время как П. А. Кропоткин пишет работу «Взаимопомощь как фактор эволюции».

человек – это атомарный индивидуалист и рациональный эгоист, поэтому ищут более или менее совершенную «механику» обуздания его хищнической природы с помощью правовых инструментов или согласовательных процедур. В то время как соборный принцип принятия решений, принятый в русской традиции, также является демократическим, только принцип такой демократии – иной. Он не навязывает всему обществу «волю большинства», как в западном мире, опираясь вместо принципа «один человек – один голос» на коллегиальный механизм, который даёт в итоге приемлемое для общества решение. И некое приближение к данному принципу западные демократии гораздо позднее попытались внедрить путём принятия решений большинством голосов при учёте мнения и интересов меньшинства.

Российская логика смысла через призму русской религиозной философии

Для характеристики типа рациональности, присущего российской логике смысла, мы обратимся, прежде всего, к взглядам А. С. Хомякова, который «был главой всей группы» старших славянофилов, «её вдохновителем и главным деятелем» [6, с. 181], а также «самого сильного философского ума первой половины XIX в.» [6, с. 27] И. В. Киреевского, в продолжение и развитие статей которого писал свои работы Хомяков, поскольку ключевая идея для творчества обоих мыслителей – пересмотр всей системы культуры, «построение цельного мировоззрения» [6, с. 205], т. е. обоснование философского фундамента с опорой на православное сознание.

По мнению А. С. Хомякова, онтологичность и цельность православного мышления – результат единства Церкви, понимаемого как «единство многочисленных членов в теле живом» [17, с. 5]. Новаторство Хомякова в подходе к проблеме единства заключается в том, что он философски переосмысливает принцип соборности и церковности, придавая им

онтологический и гносеологический статус. Церковь трактуется им не как коллектив единоверцев, но как многоипостасный «духовный организм», целостная духоносная реальность. При этом под внутренней сущностью церковности понимается соборность как её человеческая составляющая. Хомяков решительно поддерживает примат социального целого (прежде всего, русскую общину) и отвергает изолирующий отдельную личность индивидуализм. Идеал социальной жизни заключён для него в Церкви, единство которой опирается на свободный выбор на основе любви.

В теории познания Хомяков (не без влияния Киреевского) пришёл к учению о «живом знании», в котором познание истины не является функцией индивидуального сознания, будучи вверено Церкви. Познавательный процесс, по Хомякову, начинается в вере, воспринимающей реальные данные и передающей их на разбор рассудка. Эти первичные данные (жизненное сознание) предшествуют логическому сознанию и не нуждаются в доказательствах и доводах. В совокупности с рассудком «живое знание» составляет «всецелый разум». Первичность веры не позволяет разуму отделиться от моральной сферы, а отсутствие разделения субъекта познания и познаваемой действительности обеспечивает онтологичность «цельного разума».

Несмотря на отсутствие богословского и философского осмысления соборности и церковности до XIX в., церковная жизнь на Руси особенно со времён Сергия Радонежского была пронизана соборными началами. Вопрос о единстве мира решался через образ Святой Руси, понимаемой как центр его, в котором отражён мир в целом. В противоположность привычному для Средневековья термину «христианский мир» как совокупности всех христианских стран и народов, объединённых под властью императора и Папы, Святая Русь являла собой категорию не национального и географического, а скорее космического и метафизического плана [2].

Текущий момент в западной культуре, пришедшей вследствие крайней степени

развития номиналистической парадигмы в точку самоотрицания культурной традиции (являющейся коллективным достоянием, невозможным в отсутствие идеала), был предвосхищён задолго до настоящих событий. Так, А. Ф. Лосев, слушая тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга» ещё перед Первой мировой войной, осознал, что «та культура, перед которой нас учили с малолетства преклоняться, обречена, дни её сочтены» [9, с. 505]. Причины утраты европейским рационализмом присущей эллинскому мышлению цельности А. С. Хомяков анализирует через рассмотрение череды церковных расколов на Западе, приходя к выводу, что «слово *протестант* не определяет ничего» [17, с. 35].

Первым еретиком, выступившим против «догмата церковного единства» [17, с. 76], первым раскольников, нарушившим единство Церкви, по мнению А. С. Хомякова, стал сам Римский престол: «романизм, в самый момент своего происхождения, заявил себя протестантством» [17, с. 41], поставив себя над Церквями Востока, тем самым проложив путь дальнейшему нескончаемому дроблению целостности, поскольку в данном акте частное мнение было поставлено выше авторитета вселенской Церкви. Хомяков неопровержимо доказывает, что римляне – «рационалисты во всех своих верованиях» и «протестанты с первой минуты своего отпадения», что именно «Рим разорвал всякую связь между познанием и внутренним совершенством», «пустил разум на волю», «гордясь независимостью логического самоопределения» и пролагая дорогу духу «утилитарного рационализма» [17, с. 44–45]. Ущербность мышления, отдавшего, словами Ивана Киреевского, преимущество отвлечённому силлогизму перед Святым Писанием (т. е. основанного на общих посылах, но в отсутствие нормативности приводящего к различным выводам), убедительно представлена в рассуждениях Алексея Хомякова, собранных авторами статьи в таблице 1, составленной на основе первоисточника [17, с. 45].

Таблица 1 / Table 1

**Радикализация самоотрицания в случае мышления посредством силлогизмов /
Radicalization of self-denial in the case of thinking through syllogisms**

Ключевые положения	Римско-католическая церковь («Папство»)	Протестантизм
Молитва за усопших	Церковь молится за усопших, но эта молитва была бы бесполезна, если бы не было промежуточного состояния между раем и адом, следовательно, есть чистилище.	Нет следов чистилища ни в Священном Писании, ни в первобытной Церкви, следовательно бесполезно молиться за усопших.
Заступничество святых	Церковь обращается к заступничеству святых, следовательно, оно полезно и восполняет заслуги молитвы.	Удовлетворение за грехи кровию Христа, усвояемое верою в крещении и молитве, достаточно для искупления человека, следовательно, ходатайство святых бесполезно, следовательно, незачем обращаться к ним с молитвами.
Полезность дел	Вера, по свидетельству апостола Иакова, недостаточна, следовательно, дела полезны.	Одна вера спасает, по свидетельству апостола Павла, а дела бесполезны.

Мы видим, как вначале католический разум присваивает себе право судить о недоступных его пониманию вещах и путём логических умопостроений делает выводы о существовании того, о чём нет свидетельства в Священном Писании (наличии чистилища, возможности заступничества святых, полезности земных дел), затем протестантский разум, тем же самым способом, но уже обращаясь к первоисточнику, опровергает данные выводы.

В то время как в русской философии существовало отличное от западного понимание рациональности, которое, не будучи оформлено концептуально, присутствовало в теоретических построениях самобытников. Для отечественных мыслителей представлялось очевидным, что мир, единый в своей сути, нельзя изучать путём разложения на составные части. Принцип цельности заимствуется ими у отцов церкви, поскольку русская философия была неразрывно связана с православием. Поэтому взгляды аутентичных русских философов представляли собой целостные (в восприятии и познании) системы, тесно связанные с онтологической обусловленностью нашей способности видеть и постигать объективно общее. Наиболее ярко эта особенность проявилась в работах, посвящённых критике западного рационализма. У Ивана Киреевского вера и религиозный опыт являются составной частью рационального мышления, Владимир Соловьёв указывает на религиозный опыт наряду с разумом, Семён Франк подчёркивает, что рациональное познание не исчерпывает всей сущности человеческого разума [2].

Если для Хомякова центральным понятием являлось понятие Церкви, то для Киреевского таковым стало понятие духовной жизни. Недостаток в вере, уклонение вероучения от его первоначальной чистоты побудило Запад, по его мнению, искать опору в отвлечённом мышлении. Для обеспечения единства при этом пришлось уповать на внешний авторитет церкви и прибегать к схоластическим толкованиям её иерархов. Это с неизбежностью привело к Реформации, с ещё большим упованием

на индивидуальный «рассудочный» разум, благодаря чему «философия, возбуждённая протестантизмом», вынужденно ограничивалась «областью разума логического» [8, с. 20]. Родившись в протестантских землях, рациональная философия распространилась на католические, заменив прежнее единомыслие веры «единомыслием отвлечённого разума» [8, с. 23].

По Киреевскому, философия – это не вера и не одна из наук, а «общий итог и общее основание всех наук и проводник мысли между ними и верою» [8, с. 53]. То понятие о разуме, которое утвердилось в новейшей в его время философской шеллинго-гегельянской системе, не могло претендовать, по мнению Киреевского, на «высшую познавательную способность», поскольку ограничивает истину той стороной познаваемости, которая доступна отвлечённо-рациональному способу познания [8, с. 59]. Вследствие своей претензии на возможность обладания высшей истиной философия постоянно вынуждена менять свои формы, называя прежнее своё состояние рассудочным, а новое – разумным. При этом постепенно происходит распад духовной цельности, вызванный автономией разума, утрата взаимодействия с бытием, живой связи с реальностью, поскольку логическое мышление приобретает самостоятельный статус.

Российская логика смысла через призму многозначной логики

Наука, как известно, обязана своим выделением в отдельную сферу возникновению научного доказательства. Феномен науки выделился в Древней Греции благодаря развитию в ней прямой (непосредственной) демократии, точнее, той её особенности, что принятие решений было связано с необходимостью убеждения других людей в их правильности. Эта черта демократической процедуры трансформировалась в научное доказательство, базирующееся на логически непротиворечиво сформулированных утверждениях.

Киреевский находил параллели между логической системой Аристотеля и Гегелевской диалектикой, которая отличается, на его взгляд, лишь «полнотой систематического развития» [8, с. 25]. При этом система Аристотеля «разорвала цельность умственного самосознания», ограничившись «логической деятельностью ума», поскольку добродетель в ней не требовала «высшей сферы бытия», а «состояла в отыскании золотой середины между порочными крайностями», что действовало «разрушительно на нравственное достоинство человека», не давая подняться «выше его личных интересов» [8, с. 32].

Помимо той работы, которую провели старшие славянофилы на пути обоснования органичного сочетания веры с рациональным мышлением, данные идеи развивались и позднее. С. Л. Франк доказывал необходимость апофатического познания «непостижимого» через особое, сверхлогическое преодоление самой категориальной формы земного бытия, которое становится возможным только путём выхода за пределы принципа противоречия, т. е. несогласуемости утвердительных и отрицательных суждений, П. А. Флоренский развивал учение о «целокупной символической реальности», где нет ни чистого бытия, ни чистого мышления, но всё есть единый символ, чувственно выраженный в Космосе и охватывающий все сферы эмпирического бытия. А. Ф. Лосев сформулировал учение о «символической концепции сущности» в рамках своей «философии имени», Н. А. Бердяев рассматривал творчество как разновидность религиозного опыта [2] и мн. др.

Таким образом, русская философия исходила из понимания мира как живого целого, единства в многообразии, воспринимаемого как проекция Божественного Единства, с энергичным присутствием божественного начала. У В. С. Соловьева «положительное всеединство» приобрело всеохватывающее значение, в нём единое существует «в пользу всех», проявляясь в многообразных качествах. В послереволюционный и эмигрантский этапы

оригинальные идеи были привнесены в разработку этих принципов в концепциях П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева. Органичное понимание церкви, выраженное в соборности, по Бердяеву, снимает антиномию индивидуализма и церковного авторитета. Свобода понимается как условие соборности: только добровольное (свободное) вхождение в «церковную ограду» делает церковь не внешним авторитетом, а соборным началом [2].

Ярким примером того, что прозрения Хомякова и Киреевского в отношении западного мышления оказались пророческими, в настоящее время является аналитическая философия – верш западного рационализма и продолжательница не самых лучших традиций схоластики.

Онтологический тип рациональности (не исключая сферу иррационального), понимание того, что мир больше и сложнее, чем мы о нём думаем, объясняет высокую степень терпимости к Другому, традиционно присущую российской истории. Местоимение-прилагательное «другой» в русском языке образовано от слова «друг», который понимался как «такой же, как и я», «ближний», «равный мне», а в древности – имел значение «сражающийся вместе» (дружина), в то время как в европейской традиции «другой» – это «иной», «ещё один», «прочий» (“another”, “anderer”, “autre”).

Метафизическая иррациональность мышления в российской логике культуры во многом связана с существованием в условиях рискованного, даже авантюрного, земледелия, постоянной необходимости отражения военной агрессии. Эта модель построена не по принципу бинарной оппозиции (истина-ложь, добро-зло), а по принципу допущения третьего, которое может быть охарактеризовано как феномен чуда, «русский авось» и т. п. В языке трансцендентность присутствует (выражается) через двойное отрицание («ничего не»), в категориях «ни там, ни сям» и т. п. В небинарных символах («три дороги»), в парадоксальном выборе («самому погибать,

коня спасти»), в архетипе Преображения. Такого рода отрицания были характерны также и для древнеиндийской философии: «не было ни сущего, ни не-сущего», «не было ни смерти, ни бессмертия» [5, с. 13].

В этом отношении сравнение российского и западного типов рациональности сродни сравнению геометрии Лобачевского и евклидовой геометрии, или же законов квантовой механики и законов Ньютона. По мнению А. Ф. Лосева, «механика Ньютона основана на мифологии нигилизма» и нераздельно связана со специфически новоевропейским учением «о бесконечном прогрессе общества и культуры» [9, с. 31]. Этот вопрос был убедительно обоснован и проиллюстрирован в «Диалектике мифа» на примере того, как вера в механистическое мировоззрение и однородность пространства разрушает, например, веру в оборотней. Однако, борьба «науки» с «мифом», согласно А. Ф. Лосеву, это борьба одной мифологии с другой. «Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому, снова делает мыслимым оборотничество и вообще чудо» [9, с. 33]. Наука всегда мифологична, утверждал Лосев, и страсти вокруг теории относительности – это вековой спор двух мифологий, а выбор между Эйнштейном и Ньютоном – вопрос веры [9, с. 32, 34].

Рационализм в философии – это проявление рассудка, т. е. более низкого уровня мышления, чем разум. Опора только на формальную логику может превратиться в «бегание по кругу» без выхода в онтологию и объективную реальность. В то же время Н. А. Васильев, работая внутри силлогистики Аристотеля, проведя анализ её проблем и используя её внутренние средства, в своей воображаемой логике пошёл гораздо дальше представлений Аристотеля [3]. Он ввёл три типа суждений (положительное, отрицательное и индифферентное), а также дополнительный тип неопределённого суждения (как колебания между двумя возможностями) и сформулировал закон исключённого четвёртого.

Рассмотрим, как многозначная логика, разработанная этим значительно опередившим своё время российским мыслителем более ста лет назад на базе геометрии Лобачевского, переведённая на язык символической и нечёткой логики, отражает принципы российской логики смысла на примере модели включения Иных. Так, в частности, на рисунке 1 показано, почему русско-православная традиция признавала за туземцами право на «их» земли. Это происходило, поскольку в православии все люди – потенциальные братья во Христе не только при обращении, а в принципе – потому что они когда-нибудь могут «прозреть», т. е. принять православную веру. От католической модели её отличает отсутствие формального требования, от протестантской – коллективный, а не индивидуалистический способ включения (подробнее см. [7]).

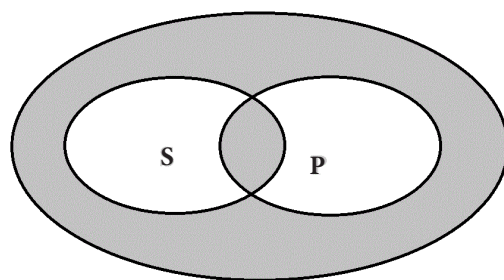

Рис. 1 / Fig. 1. S эквивалентно P там, где они пересекаются, или там, где оба не определены / S is equivalent to P where they intersect, or where both are undefined

Источник: [10, с. 92].

Разработанная уже после смерти Васильева на основе его открытий нечёткая логика ещё яснее демонстрирует принципы вхождения в российскую цивилизацию различных культурных групп: поэтапность, сохранение обычного права, постепенное принятие общецивилизационных норм и ценностей. Нечёткое подмножество – это подмножество элементов, которые имеют одну степень принадлежности. Такие шкалы используют для оценки истинности выражений типа «небольшой», «не очень большой» и т. п. В воображаемой логи-

ке Н. А. Васильева шкалы истинностных значений являются дистрибутивными решётками, а степени принадлежности соответствуют степеням истинности. Если в качестве шкалы принимается отрезок от нуля до единицы, то границы этого отрезка – точки, где нечёткие подмножества становятся чёткими (совершенно не входит, однозначно входит). Во всех иных случаях может быть выражена степень принадлежности (например, степень вхождения в российскую цивилизацию).

Заключение

Для того, чтобы философская мысль находилась «не ниже тех философских форм, которые были в истории», необходимо «уметь использовать все положительные достижения прошлого» и «преодолевать все его отрицательные стороны» [9, с. 496]. По А. Ф. Лосеву, именно история философии должна быть базисом теории познания, помогая понять, «как вырабатывались формы и категории, методы освоения мыслью действительности, методологическая культура» [9, с. 494].

По меткому выражению Н. А. Бердяева, «Русские... мыслят иначе... Русские рассматривают проблемы по существу... Западная душа гораздо более рационализирована, упорядочена, организована разумом цивилизации, чем русская душа, в которой всегда остаётся иррациональный, неорганизованный и неупорядоченный элемент» [1, с. 252–253]. По его же личному признанию, «логика не имела... никогда никакого значения и ничему меня не учила», напротив, для него была характерна «любовь к метафизике». При этом Бердяев

стремился «к погружению в конкретное, к узрению в нём смысла и универсальности» [1, с. 93]. В теории познания Николай Александрович был «против рационализма, который верит в выразимость бытия в понятии, в рациональность бытия» [1, с. 99], полагая, что «рациональный мир с его законами, с его детерминизмом и каузальными связями есть мир вторичный, ... продукт рационализации» [1, с. 101], который раскрывается лишь «рационализированному сознанию».

Обращаясь к «алхимии логики смысла», обоснованной А. В. Смирновым [14, с. 43–52], можно сказать, что русская мысль всегда была и есть идеалистична и целостна, даже когда она касается предельно конкретных вещей, а западная – вечно атомарна, даже если ведёт речь о самых отвлечённых предметах. За разговором или спором по какому-нибудь вопросу не только Н. А. Бердяев, но и любой человек русской культуры склонен видеть решение судеб Вселенной и собственной судьбы. В этом отношении даже русские материалисты и западники – самые отчаянные идеалисты, настолько они охвачены верой в мир собственных умопостроений. Возможно, именно перечисленными особенностями российской логики смысла объясняется непреходящий интерес к русской философии в Японии и Китае¹, при всех прогрессивных реформах по западному образцу никогда не терявших связи со своей традицией и свойственной их собственной логике культуры иррациональностью. Русская философия полнее, чем западная, помогает иным цивилизациям понять себя.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 448 с.
2. Бондарева Я. В., Семаева И. И., Моисейкина Т. А. Онтологические искания в русской религиозной философии XIX – первой половины XX веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-4-49-58

¹ Только в 2023 г. в Поднебесной состоялось значительное количество конференций по русской философии, а в журнале «Вопросы философии» в номерах №№ 3, 4 были помещены целые рубрики статей китайских исследователей о русской философии.

3. Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Васильев Н. А. Воображаемая логика: избранные труды. М.: Наука, 1989. С. 53–94.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 538 с.
5. Древнеиндийская философия. Начальный период / сост. В. В. Бродов. М.: Мысль, 1972. 271 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
7. Ильинская С. Г. «Море» Россия (российская идентичность и идея толерантности) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 496–505.
8. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. СПб.: Общество памяти игумены Таисии, 2015. 80 с.
9. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
10. Максимов Д. Ю. Логика Н. А. Васильева и многозначные логики // Логические исследования / Logical Investigations. 2016. Т. 22. № 1. С. 82–107.
11. Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Синтез мистицизма и рационализма как парадокс русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62
12. Митио Микосиба, Бондарева Я. В. Методологические особенности русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 64–71. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71
13. Пантин В. И. Цивилизационные и социально-политические основания современной российской идеологии // Философские науки. 2023. Т. 66. № 3. С. 11–29. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-3-11-29
14. Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021. 448 с.
15. Спиридонова В. И. Контуры многоцивилизационного мира // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 5–32.
16. Сяоли Г. «Индивид», «человек», «великая целостность» – понимание терминов в китайской культуре // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 82–92.
17. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медиум, 1994. 479 с.
18. Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // Hérodote: stratégies, géographies, idéologies. 1993. № 10. P. 43–60.
19. Pye L. The Spirit of Chinese Politics. Harvard: Harvard University Press, 1992. 264 p.
20. Weiwei Zhang. The China Wave: The Rise of a Civilisational State. Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012. 208 p.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 448 p.
2. Bondareva Ya. V., Semaeva I. I., Moisejkina T. A. [Ontological Searches in Russian Religious Philosophy of the 19th – Half of the First 20th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-4-49-58
3. Vasil'ev N. A. [Imaginary (Non-Aristotelian) Logic]. In: Vasil'ev N. A. *Voobrazhaemaya logika* [Imaginary Logic]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 53–94.
4. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Algoritm Publ., 2018. 538 p.
5. Brodov V. V., comp. *Drevneindijskaya filosofiya. Nachal'nyj period* [Ancient Indian Philosophy. Initial Period]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 271 p.
6. Zenkovsky V. V. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2011. 880 p.
7. Ilinskaya S. G. [The Sea of Russian Culture (Russian Identity and the Concept of Tolerance)]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Political Science], 2018, vol. 20, no. 4, pp. 496–505.
8. Kireevsky I. V. *O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlya filosofii* [On the Necessity and Possibilities of New Principles of Philosophy]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumen'i Taisii Publ., 2015. 80 p.
9. Losev A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 525 p.

10. Maksimov D. Yu. [N.A. Vasiliev's logic and many-values logics]. In: *Logical Investigations*, 2016, vol. 22, no. 1, pp. 82–107.
11. Michio Mikoshiba, Bondareva Ya. V. [Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy], 2020, no. 3, pp. 55–62. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-55-62
12. Michio Mikoshiba, Bondareva Ya. V. [Methodological Features of Russian Religious Philosophy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4, pp. 64–71. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-4-64-71
13. Pantin V. I. [Civilizational and Socio-Political Foundations of Contemporary Russian Ideology]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2023, vol. 66, no. 3, pp. 11–29. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-3-11-29
14. Smirnov A. V. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu* [Logic of Meaning as a Philosophy of Consciousness: An Invitation to Reflection]. Moscow, YASK Publ., 2021. 448 p.
15. Spiridonova V. I. [Horizons of the Multicivilizational World]. In: *Problemy civilizatsionnogo razvitiya* [Problems of Civilizational Development.], 2022, vol. 4, no. 2, pp. 5–32.
16. Xiaoli G. [Individual, Human, Great Whole – Understanding of Terms in Chinese Culture]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2023, no. 12, pp. 82–92.
17. Homyakov A. S. *Sochineniya. T. 2. Raboty po bogosloviyu* [Works. Vol. 2. Works on Theology]. Moscow, Medium Publ., 1994. 479 p.
18. Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? In: *Hérodote: stratégies, géographies, ideologies*, 1993, no. 10, pp. 43–60.
19. Pye L. *The Spirit of Chinese Politics*. Harvard: Harvard University Press, 1992. 264 p.
20. Weiwei Zhang. *The China Wave: The Rise of a Civilisational State*. Singapore, World Century Publishing Corporation, 2012. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, главный специалист Управления сетевых и партнерских проектов государственной политики РАНХиГС;
e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, Federal State University of Education;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Svetlana G. Ilinskaya – Dr. Sci. (Political Sciences), Chief Specialist, RANEPa Office of Network and Partner Projects of Public Policy;

e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондарева Я. В., Ильинская С. Г. Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 64–75.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-64-75

FOR CITATION

Bondareva Ya. V., Ilinskaya S. G. The Logic of the Meaning of Russian Civilization Through the Prism of Russian Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 64–75.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-64-75